

0-802790

На правах рукописи

Бахтина Мария Александровна

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. БАРНСА
(РОМАНЫ «ИСТОРИЯ МИРА В 10 С ½ ГЛАВАХ»,
«АНГЛИЯ, АНГЛИЯ», «ПРЕДЧУВСТВИЕ КОНЦА»)**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература стран германской и романской языковых семей)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

**Воронеж
2013**

Работа выполнена на кафедре русского языка, современной русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета
Струкова Татьяна Георгиевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы и журналистики Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
Кабанова Ирина Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Международного института компьютерных технологий (г. Воронеж), заведующий аспирантурой
Ченцова Надежда Николаевна

Ведущая организация: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Защита состоится 30 октября 2013 года в 15-00 на заседании диссертационного совета Д 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394006, Воронеж, пл. Ленина, д.10, ауд.37.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан « » сентября 2013 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Александр Анатольевич Житенев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Джулиан Барнс (Julian Barnes, 1946) – современный британский писатель, переводчик, эссеист, литературный критик. Его концепция исторического, наряду со взглядами П. Акройда, У. Голдинга, Г. Свифта во многих трудах обозначена как одна из ведущих для английской литературы конца XX - начала XXI века. Проза Дж. Барнса все чаще становится объектом исследования в отечественном и зарубежном литературоведении. С конца 1990-х годов за рубежом вышло в свет восемь монографий, посвященных творчеству писателя. С 2000-х годов возрастает количество диссертаций, рассматривающих те или иные аспекты произведений. В отечественных работах творчество Дж. Барнса рассматривается наряду с романами других современных авторов. Основное внимание уделяется жанровым вопросам (Ю. А. Барашковская, Я. С. Гребенчук, Е. В. Колодинская, Ю. С. Райкене), новой мифопозитике (В. И. Демин, Я. Ю. Муратова), анализу ситуации иронии и пародии (Е. А. Брюханова, И. Б. Елисеева), проблематике (И. С. Маркова), композиционной структуре произведения (А. В. Месяжникова, О. В. Переходцева). Большинство исследователей, вне зависимости от аспекта изучения, отмечают значимость для Дж. Барнса постмодернистского восприятия истории как объяснительной системы, частое обращение автора к темам национальной идентичности и памяти. Однако целостная концепция исторического в эстетике писателя не исследовалась из-за многокомпонентности явления, которое находится в развитии и объективно не завершено становлении.

Актуальность диссертационного исследования определяется интересом к проблеме исторического как в гуманитарных отраслях знания, так и в художественном дискурсе современности, а также потребностью систематизации представлений Дж. Барнса об особенностях интерпретации исторического в ключевых романах. Данное исследование нацелено на выявление особенностей интерпретации истории и исторического Дж. Барнсом, чья писательская деятельность находится в глубокой взаимосвязи с традициями исторического романа и, в то же время, представляет собой пример постмодернистского видения мира, что влечет за собой специфическое отношение к феномену исторического. Позиционирование автора в контексте литературной традиции, на наш взгляд, имеет большое значение для верного понимания особенностей его творчества.

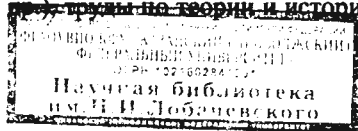
Объектом исследования является концепция исторического в прозе Дж. Барнса. **Предметом исследования** являются особенности интерпретации исторического в трех романах Дж. Барнса «История мира в 10 с ½ главах», «Англия, Англия...», «Предчувствие конца», которые образуют своеобразную трилогию, наиболее полно отображающую взгляды писателя на рассказывание об историческом процессе.

Материалом исследования являются романы «История мира в 10 с ½ главах» (1989), «Англия, Англия...» (1998), «Предчувствие конца» (2011). Выбор романов обусловлен наибольшей полнотой, развернутостью барнсовской художественной концепции развития дискурса об истории в динамике развития с конца 1980-х до середины 2000-х гг. В качестве дополнительного материала привлекались романы «Попугай Флобера» (1984), «Артур и Джордж» (2005), «Нечего бояться» (2008), сборники рассказов «Лимонный стол» (2004), «Пульс» (2011).

Цель диссертационной работы состоит в том, чтобы выявить специфику и характерные черты авторской интерпретации исторического в динамике развития творчества с 1980-х до 2010-х гг., определить соотношение исторического и метаисторического дискурсов в романах Дж. Барнса «История мира в 10 с ½ главах», «Англия, Англия» и «Предчувствие конца». Цель работы определяет **основные задачи**:

- 1) рассмотреть процессуальность понятия исторического в философии и эстетике постмодернизма;
- 2) обозначить концепцию историзма в исторических романах в английской литературе;
- 3) обосновать закономерность применения терминов «история» и «историческое» в творчестве Дж. Барнса;
- 4) определить роль истории как дискурса в постмодернистском метаисторическом повествовании;
- 5) исследовать специфику интерпретации исторического в романах «История мира в 10 с ½ главах», «Англия, Англия...», «Предчувствие конца».

Цель и задачи определили выбор **методологии исследования**, в основе которой – соединение элементов структурного, культурно-исторического, типологического, компаративного, герменевтического методов. Теоретической базой исследования в осмыслении основ постмодернизма послужили работы ученых-постструктуралистов (Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко, У. Эко и др.), труды по теории и истории романа (М. Бахтина,

В. Кожина, Г. Гачева, Д. Затонского, Н. Лейдермана, Н. Лейтес, А. Газиорека, а также Л. Хатчеон, М. Брэдбери, и др.); при исследовании романного творчества Дж. Барнса внимание акцентировалось на принципах историко-литературного анализа в трудах В. Веселовского, В. Жирмунского, Е. Мелетинского, И. Неупокоевой и других ученых, труды по психологии искусства (Л. Выготского).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в курсах современной зарубежной литературы рубежа XX-XXI веков, спецкурсах и спецсеминарах по истории английской литературы XX века, а также курсах и спецкурсах, спецсеминарах по истории и теории постмодернизма.

Научная новизна исследования определяется тем, что данная диссертация является первым комплексным анализом интерпретации исторического в творчестве Дж. Барнса, основанным на изучении знаковых произведений, представляющих общую картину творчества в динамике развития, и объединенных в метаисторическую концептуальную трилогию.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Выдвигаемое понятие исторического является концептуальным для постмодернистского мировоззрения. В художественном произведении интерпретация исторического определяет проблемно-идеологическую сферу и композицию, отражается в многообразии восприятия персонажами мира.

2. Романы «История мира в 10 с ½ главах», «Англия, Англия», «Предчувствие конца» представляют собой концептуальную метаисторическую трилогию, в которой со всей очевидностью выявляется концепция исторического в творчестве Дж. Барнса с конца 1980-х до начала 2010-х годов.

3. Дж. Барнс раскрывает психологию героев в провокационных ситуациях. На протяжении тридцати лет художественная задача Дж. Барнса меняется от ниспровержения власти метанарративов в сознании читателя до изображения природы функционирования памяти и душевных кризисов, которые возникают в связи с утратой доверия к метанарративам.

4. Особенности интерпретации истории и исторического в романах Дж. Барнса возникают как результат осмысления философских проблем функционирования индивидуальной и коллективной памяти, противостояния явного вымысла и ложной объективности, влияния метанарративов и симулякров на человеческое сознание.

5. Дж. Барнс травестирует историю, не признает объективной истины и выдвигает субъективные истории заведомо недостоверных повествователей, композиционно создавая эффект дисконтинуитета.

6. Писатель в рамках гуманистического дискурса об историческом обращает внимание на опасность конформизма, подмены вечных ценностей симулякрами. Для Дж. Барнса характерна тенденция отделять христианское мировоззрение (спасение бессмертной души, поиск подлинности, вера в надмирную суть любви, отрицание всевластия бесконечного потребления) от института религии, изображенного иронично.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 14 работ, одна из которых вышла в журнале, входящем в перечень ведущих российских рецензируемых научных журналов. Основные положения работы представлены на конференциях «Найновите постижения на европейската наука» (Болгария, г. София, 2011), «Пуришевские чтения» (Москва, 2010), «Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2009, 2010), Международная филологическая конференция (СПбГУ, 2011), «Литература в диалоге культур» (Ростов-на-Дону, 2009, 2010), Студенческая научная конференция ВГПУ (Воронеж, 2009), Международная учительская конференция (Воронеж, 2010, 2011), всероссийской конференции «Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке» (Воронеж, 2010, 2011, 2012).

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 187 страниц. Список использованной литературы включает 263 наименования, 31 из них на иностранном языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость работы. Изучение степени разработанности темы о творчестве Д. Барнса предваряют определение объекта, предмета исследования, описания отобранного материала и методологической базы. Формулируются цель, задачи и положения, выносимые на защиту, содержатся данные об апробации результатов, структуре и объеме диссертации.

Первая глава «Процессуальность определения истории и исторического в художественном и философско-историческом дискурсах» состоит из трех разделов.

Раздел 1.1. «Трактовка истории и исторического в философско-историческом дискурсе» обозначает ключевые моменты формирования категории исторического. В работе разграничиваются понятия *история* (history) и *историческое* (historical). История, предполагающая рассказ о прошедшем – наука или комплекс наук, изучающих прошлое человечества во всем его многообразии и конкретности для установления объективных закономерностей общественного развития. Историческое – это особый уровень мировосприятия и философского созерцания, для которого характерны отсутствие претензии на объективность, прерывистость (дисконтинуитет), заведомая субъективность интерпретации.

Историческое рассматривается как категория теоретического уровня. Понятие было подробно обозначено и разработано в философском дискурсе в соотношении с категорией логического, и это соотношение стало серьезным философским вопросом немецкой идеалистической диалектики (Г. Гегель) и марксистской материалистической диалектики (К. Маркс, в XX веке Л. Альтюссер).

Во второй половине XIX в., когда традиционная философия истории постепенно теряет авторитет, Ф. Ницше привлекает внимание к проблеме субъективности интерпретации в историческом дискурсе. Б. Кроче утверждает, что история должна восприниматься ближе к искусству, чем к науке в связи с тем, что написание – творческий акт индивидуального познания. Представители Школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр признавали немалую роль субъективности в историческом процессе, но, тем не менее, считали историю объективной и итогом работы историка видели создание тотальной истории.

Сконцентрированность на локальной истории и проблемах повседневности способствовали появлению понятия микроистории. Этот термин обратил на себя внимание в романе французского автора Р. Кено «Голубые цветочки» (1965), после чего появилось множество научных работ, посвященных микроисторическому методу и исторические труды, в соответствии с ним построенные (монография Л. Гонсалес-и-Гонсалеса «Бунтующая деревня», 1968). В конце 1970-х – начале 1980-х годов восприятие модифицируется в новый способ исследования и познания, дающий возможность проникновения в еще неисследованные области.

Х. Уайт, один из творцов «лингвистического поворота» в исторической науке, отметил, что лучшие исторические мыслители XX века озабочены выходом из кризиса историцизма – преодолением ситуации Иронии, в которой находится историческое сознание с конца XIX века.

По Х. Уайту, литературная форма оказывает серьезное влияние на текст: в трудах крупнейших историков XIX в. он обнаружил использование литературных приемов и собственной интерпретации для единства повествования и заполнения информационных пробелов.

М. Фуко предлагает три способа обращения с историей: травестирование, отказ от общепринятых традиций восприятия и отвержение желания найти истину. Эта концепция впоследствии разрабатывается в рамках комплекса постструктурализма, деконструктивизма и постмодернизма Р. Бартом, Ж. Ф. Лиотаром, Ж. Бодрийяром и др., так как по их мнению, М. Фуко обосновывает новый взгляд на историю в рамках всех трех положений. Писателей-постмодернистов привлекли идеи прерывистости истории и ее субъективности, а также изменение роли интерпретатора. Это оказало сильное влияние на жанр исторического романа в связи с переносом смысловых акцентов с истории как линейного закономерного процесса на ее дискретное восприятие, переакцентуация внимания с глобальных историй на частные, служащих первоосновой всего. Цепочка трактовок включает в себя индивидуальную историю, интерпретацию героя, автора и читателя. Это уже не история в традиционном понимании, но рассказывание о ней, усиливающее роль субъективности, единичности и формирующее внутри зародившейся микроистории понятие исторического, соответствующее задачам постмодернистской эстетики.

Понятие *исторического* рассматривается в работе как ставшее актуальным благодаря теории М. Фуко. Понятие *истории* не подразумевает индивидуального рассказа об истории, а рассуждения К. Маркса об историческом как о способе изображения исторического процесса под действием индивидуальностей – участников событий, их чувств и мыслей, вносящих случайность в повествование, наиболее точно резонируют пониманию М. Фуко об эпистемологической неуверенности, являющейся одним из основных положений постмодернистского мировоззрения. Историческое позволяет оттолкнуться от понятия «история», представляющего гораздо меньшую концептуальную значимость для писателей-постмодернистов (за исключением реализации мысли М. Фуко о травестировании истории, отказа от поиска объективной истины и общепринятых традиций восприятия).

В разделе 1.2. «Основные особенности развития исторической прозы XIX-XX веков» прослеживаются изменения, которые претерпевает исторический роман XX-XXI веков вслед за развитием философии истории. Появление исторического романа как жанра принято связывать

с творчеством В. Скотта (1771-1832). Исторический роман В. Скотта стал не просто продолжением литературных традиций, завещанных предшествующим периодом, но неизвестным до этого художественным синтезом искусства и исторической науки, открывшим новый этап в развитии английской и мировой литературы. В то же время заданная В. Скоттом система представлений об историческом романе не только пробудила интерес читателей и писателей к истории, но на долгое время стала замкнутой системой, ограничивающей роль истории в литературном произведении. Особо отмечается роль индивидуальной интерпретации истории, которая представляет собой предположения рассказчика или повествователя, основанные на неких реальных фактах.

В разделе уделяется внимание принципам исследования исторического романа и выделению авторской исторической концепции Г. Лукачом, Б. Ю. Рензовым, В. Дибелнусом, Л. Э. Ганкиным, Е. Б. Туевой и другими. Рассматриваются ключевые особенности исторических романов от В. Скотта, О. де Бальзака, Стендаля до Ч. Ачебе, Р. Грейвза, И. Во, М. Юрсенар. Анализ выявляет ряд основных изменений, которые претерпевает исторический роман вслед за модификацией социально-философских воззрений, главенствующих в разные исторические периоды: отношение автора к вымыслу и достоверности; тип главного героя и его роль в исторических событиях; влияние социально-исторического контекста на персонажей; внимание к деталям повседневности как характеристике эпохи, а также соотносённость описываемого с современностью писателя.

Раздел 1.3 «Эпоха постмодернизма: трансформация взглядов на историю и роль исторической прозы» рассматривает философию постмодернизма как главенствующее мировоззрение конца XX века, повлекшее за собой изменения и в философии истории, и в структуре литературного произведения (в частности, исторического романа), сказавшееся на отношении к тексту, времени и истории.

Постмодернизм подразумевает недоверие ко всем объяснительным системам - метанарративам или метарассказам. По Ф. Джеймисону, любое повествование требует интерпретации. В связи с этим на первый план выдвигается рассказывание маленьких историй, существующих в ризоматических отношениях равноправия. Возникает особое внимание к проблеме *нарратива* (термин начинает функционировать в рамках исторической дисциплины), подразумевающего фиксацию повествовательного текста в состоянии процессуальности, последовательного и непрерывного самопреобразования его во времени. Нарративная исто-

рия трактует значение исторического события как возникающее в ходе рассказа о нем и связанное с интерпретациями.

Эпистемологическая неуверенность, одна из основных категорий философии постмодернизма, приходит с всеобщим кризисом авторитетов, в первую очередь – с разрушением научного детерминизма, вследствие чего изменяется основа картины мира, ранее возводимая на принципах причинно-следственных связей и взаимной обусловленности различных явлений. Осознание того, что все сведения о действительности – не больше чем представления о ней, зависящие от целей и точки зрения их создателя, привело к мысли об обреченности реципиента на калейдоскопическое восприятие мира, где из-за постоянной смены точек зрения и ракурсов становится невозможным определение объективной истины. На этой почве происходит отказ от историзма, что можно назвать одной из главных черт постмодернистской эпистемемы.

По Ф. Джеймсону, в постмодернизме становится невозможна пародия, так как она подразумевает наличие нормы, с которой должна контрастировать. Однако ироническое цитирование и травестирование сюжетов становится основополагающей чертой литературы данного периода, появляется стремление включить в текст многовековой опыт мировой культуры, манипулировать готовыми формами. При этом роль объединения текстов из разных эпох и произведений в единое целое, по Н. Пьеге-Гро, принадлежит сознанию субъекта.

Ж. Бодрийяр воскрешает идею симуляции, наблюдая, что она затрагивает практически все области современного общества, от культуры масс-медиа до экономики. История, когда сама стала процессом симуляции, перестала давать даже возможность для пародии. Если раньше фарсу можно было противопоставить реальную историю, то теперь симулякры вместе с историей ликвидируют самих людей.

В 80-х годах XX века главным предметом истории становится уже не само событие прошлого, а память о нем. Не могла при этом остаться прежней форма исторического романа. Л. Хатчен ввела термин «историографическая метафикция», обозначив с ее помощью путь в литературе, который ставит под сомнение наивные представления репрезентации и появляется чтобы сосуществовать и напряженно работать с другими взглядами на историю. А. Вей вслед за Л. Хатчен называет историографическую метафикцию разновидностью постмодернистского романа, выступающей против демонстрации доверия к истории и стереотипам изображения прошлого, утверждающей субъективность повествования.

Специфическое свойство постмодернистского исторического романа сворачивать историю в модель, обслуживающую современные «маленькие нарративы», проявляется двояко. Анализируя английскую традицию 1980-2000-х гг., О. Джумайло отмечает, что частое использование исторического кода как условного будто подчеркивает тотальную иронию и сконструированность мира. Но фиктивная историческая модель, поданная как субъективный взгляд, вводит чуждую постмодернизму авторскую модальность.

По мнению М. Флудерник, историографическая метафикция возникает как разновидность жанра исторического романа, приспособившаяся в XX веке к новой концептуализации романа и истории. Эту концептуализацию Н. Б. Маньковская обозначила как синхроническую, некумулятивную трактовку истории как калейдоскопического прошлого настоящего. По мнению Т. Э. Рагозиной, противостоять времени может только обновление социокультурных кодов, т.е. механизмов отбора, кодирования, трансляции и декодирования исторического опыта.

Постмодернистское влияние на исторический дискурс привело к заметным структурным изменениям. В частности, можно говорить об увеличении роли повседневности и микроистории. Микроистория в эпоху главенства эпистемологической неуверенности становится ответом на «постмодернистский вызов» со стороны исторической науки, однако зачастую она противопоставляется постмодернистскому подходу. Микроистория занимается самым познаваемым субъектом, тогда как постмодернизм обращает внимание на рефлексию этого субъекта, кроме того, микроистория отвергает постмодернистское положение о том, что история – это дискурс.

Вторая глава «Художественная интерпретация истории и исторического в творчестве Джулиана Барнса» состоит из четырех разделов.

Раздел 2.1. «Искаженная реальность в романе «История мира в 10 с ½ главах» посвящен одному из главных аспектов изображения действительности в произведении, принесшем всемирную известность Дж. Барнсу. Искаженные отражения мира в человеческом сознании становятся объектом внимания у Дж. Барнса, тогда как сама реальность остается будто невоплощенной. В этом автор следует мысли Ж.-Ф. Лиотара о недоверии к метанарративам и М. Фуко об эпистемологической неуверенности: какую бы форму не принимало содержание, она не сможет подлинно отразить его во всей многогранности.

Структура произведения отображает идейный замысел: фрагментированность как разрушение композиционной целостности отражает мир

в его противоречивости и заведомой непознаваемости, противостоя научному историческому дискурсу. Авторская интерпретация исторического – совокупность различных истолкований некой первоначальной, мифологической реальности. По Ю. С. Осанченко, оно становится сакральной историей, обеспечивающей коллективную идентичность. Его природа воспринимается как набор разрозненных деталей или же различных элементов единой картины мира.

В романе Дж. Барнс с иронией иллюстрирует последствия слепой веры в подлинность знания, предоставляемых наукой и религией, показывает, как это доверие искажает не только восприятие мира, но и сам мир. Власть подавляет способность персонажа к самостоятельному осмыслению, предоставляя только пути подчинения или оппозиции тотализирующему сюжету. В романе Дж. Барнса интерпретация тех или иных событий возникает в процессе рассказа о них, что сближает художественное произведение с «нарративной историей».

Историческое в романе не пытается подчинить рассказ авторитарным законам изображения, предполагается самостоятельное осмысление, основанное на оценке нескольких точек зрения. Вариативность прошлого оказывается одной из принципиальных черт исторического. По Дж. П. Барнсу, несколько субъективных мнений обычных людей дают не менее полную картину мира, чем предлагает тот или иной историк. Утверждается не тождественность, но подобие человеческих историй; все они, будучи своего рода зеркалами реальности, отражают ее с разных ракурсов; невзирая на невозможность создания объективной картины мира, они способны помочь восприятию отражаемого.

В истории о жуках-безбилетниках на Ковчеге читатель видит версию, противопоставленную общепринятой. Роль ее – зародить в читателе недоверие к метанарративу через травестирование высокого библейского сюжета. Однако в конце главы, когда повествователь представляется читателю как личинка жука-древоточца, он уточняет время повествования: спустя несколько тысячелетий после Великого потопа. Таким образом, перед нами продукт коллективной, а не индивидуальной памяти. С одной стороны, это делает его речь незначительной как возможный исторический источник, с другой, автор с иронией намекает на то, что подобным субъективным видением мира окрашен любой рассказ о прошлом, и, как любое другое оценочное суждение, он не может считаться объективным.

Выбирая объектом изображения обычного человека, Дж. Барнс раскрывает его в оценке вечности, а не конкретного периода развития чело-

вечества. Как Айвенго у В. Скотта не соответствовал законам своего времени и выглядел героем привлекательным для автора и читателя, так герои Дж. Барнса вызывают чувство симпатии, если ориентируются в своей жизни на вечные ценности. С иронией будничные проявления любви могут оцениваться как единственно значимое, а нерушимые столпы научных дискурсов (например, истории) – всего лишь даты, имена и события, интерпретация которых не приблизит читателя к достоверности.

Участники тех или иных трагических событий после катастроф составляют собственные отчеты, претендующие на достоверность. Автор дает понять, что цель подобного отчета не имеет ничего общего со стремлением к истине, но лишь в создании шокирующей картины, формирующей общественное мнение или мнение конкретного читателя.

В мире романа противопоставляют себя искаженной реальности и обладают способностью и желанием искать потерянные связи животные, дети, чувствительные женщины, безумцы и великие художники. В противоположность логике, их метод познания основывается в большей степени на интуиции, вдохновении или инстинкте.

Роль повседневности в искажении реальности, по Дж. П. Барнсу, особенно значима: из-за ложных ценностей потребительского общества происходит смешение приоритетов от вечного к временному. Массовая культура создает искусственный мир симуляции, подменяющий реальность. Общественное мнение становится одной из главенствующих сил, влияющих на искажение восприятия мира, вне зависимости от того, безоговорочно доверяет ему или противопоставляет свое мнение человек.

Во многих культурах считалось, что знание о происхождении – это власть над предметом или явлением. Повторение мифов происхождения мира являлось переходом от хронологического времени к бесконечному сакральному, одновременно исходному и бесконечно повторяющемуся. Вечное Возвращение к истокам, движение по кругу – канонические мифологические сюжеты, на которых построен роман Дж. Барнса. В романе «истинная» история Ноя из 1 главы, перекладываясь на другие времена, остается в основных моментах постоянной: в ее основе лежит несправедливость, отсутствие божественного вмешательства, безумие или навязчивые идеи. Но с каждым повторением она иронически преображается, вплоть до изображения Ковчега как лодки с двумя кошками и сумасшедшей женщиной на борту.

Искаженная реальность в романе выходит на первый план, существование мира, свободного от интерпретаций, изображается невозможным.

Историческое выдвигается на первый план: читатель сталкивается с фрагментарным повествованием об истории мира, где главы не связаны друг с другом, роль субъективного повествования различных повествователей оценивается выше информации исторических или религиозных источников, каноны и высокие темы пересматриваются иронически. И хотя истина остается непостижима, автор преподносит нравственный урок, связанный с ее поиском. По мнению писателя, официальная история мира и вера в прогресс – агрессивные, уничтожающие силы, тогда как ориентация на вечные ценности и осознание цикличной природы исторического процесса способствуют сопротивлению хаосу мира.

В разделе 2.2. ««Бегство от истории» в романе Дж. Барнса «Англия, Англия»» рассматриваются особенности восприятия истории и исторического, проблемы коллективной и индивидуальной памяти. «Англия, Англия» (1998) можно назвать романом не только о современной роли истории в потребительском обществе, но и о спасении души, используя формулировку одного из героев. Читатель погружается и в повествование о человеческой судьбе, и в рассказ об истории страны в состоянии глубокого кризиса, чтобы на частных примерах проследить тенденции к уничтожению традиционных ценностей во имя рыночных отношений, заполнивших собой пустующее место Бога.

Время действия романа – жизнь Марты Кокрейн, зафиксированная в ее памяти. В то же время читатель следит за развитием истории Англии, которая делится на «до» и «после» создания мистером Джеком Питменом туристического проекта на острове Уайт, или – «до» и «после» окончательной утраты ценности истории и ее подлинности для англичан. Героиня представляет собой саморефлексирующую, требовательную к себе и феминистически настроенную женщину. Автор приводит ее рассуждения об устройстве памяти, которые помогают понять логику изменения отношения к национальной истории.

Роман «Англия, Англия» несет глубокий дидактический посыл. Бегство от национальной (Англия) и индивидуальной (Марта) памяти неизбежно приводит к концу истории. Коллективные представления об исторических событиях нации существуют в настоящем времени уже в качестве мифа, потому что в обществе потребления требуется не подлинность, но симулятивное ощущение естественности. История уходит вслед за верой в Бога, от которого англичане отказались еще раньше. Дж. Барнс показывает, что для сохранения идентичности необходимо общее прошлое, общая вера, существующие в коллективной памяти нации. Из-за общей

безграмотности представителей большинства, знания которых ограничиваются несколькими датами, именами и знаменитыми образами, и из-за симулятивной природы истории вакантное место занимают неомифы, упрощающие и огрубляющие понимание мира, но не имеющие отношения к реальности и, в отличие от древних мифов, касающиеся духовной жизни только в негативном разрушительном ключе. Человек, бунтующий против всевластия симулякров, не способен победить их в одиночку даже в самом себе. В случае Марты Кокрейн, любовь к мужчине не смогла исцелить ее душу и помочь приблизиться к ощущению подлинности, поэтому она обратилась к любви надмирной, божественной и, удалившись на периферию, мудро ограничивала себя от вредной информации, держась в стороне от жизни. Ее судьба дает возможность четко проследить тенденцию отделять христианское мировоззрение (смертность человека и идея спасения души, вера в главенство любви, отрицание всевластия бесконечного потребления) от религиозности.

Раздел 2.3. «Предчувствие конца»: Эрос и Танатос как движущие силы истории» рассматривает проблемы соотношения любви и смерти в жизни героев романа, а также памяти о прошлом и самого прошлого. Роман представляет собой воспоминания пенсионера Тони Уэбстера о прошедшей жизни, преимущественно – о событиях, связанных с другом детства Адрианом Финном.

Глубокое проникновение в психологию героя позволяет выявить ключевую роль интерпретации в механизме индивидуальной памяти и конструировании рассказа о прошлом, а также изображает бессилие человека перед властью любви и смерти. Автор вводит читателя в мир мало привлекательного главного героя, используя фиксированную внутреннюю фокализацию. Образ проработан в мельчайших деталях и очень реалистичен. Пишет Тони Уэбстер сквозь призму всех прожитых лет уже в пенсионном возрасте, повествуя как о былой молодости, так и событиях недавнего времени. Вслед за героиней романа «Англия, Англия» Мартой Кокрейн он сам не ручается за достоверность сказанного и опирается только на собственные измышления и оставшиеся впечатления, так как память подтасовывает факты и мешает событиям.

Вторая часть романа ведет к изменению логики повествования. «Sense of an Ending» - название романа отсылает к одноименной работе 1967 г. известного литературоведа Фрэнка Кермоуда. Сборник лекций, в которых анализируются взаимоотношения прозы с вековыми представлениями о кризисе, хаосе и апокалипсисе, по признанию Дж. Барнса,

одна из его настольных книг. Интересно, что в рамках постмодернистской концепции исторического идея основополагающего значения финала – одна из фундаментальных для конструирования нарратива. По Ф. Кермоуду, наличие определенного «завершения», изначально известного только нарратору, создает поле тяготения, сводящее воедино все сюжетные линии.

Роман «Предчувствие конца» представляет собой скрытое авторское рассуждение о проблемах исторического через автобиографическое жизнеописание обычного человека. В рамках субъективной жизни Тони читатель может проследить все особенности исторического процесса – от ложной фабуляции до постоянной повторяемости истории в качестве пародии, ошибочность пути прогресса. От частной истории Тони, Адриана, Вероники и Сары Дж. Барнс уводит нас к размышлениям о природе времени. Жизнь – движение и подготовка к смерти, борьба Эроса и Танатоса, но история не укладывается в это прямолинейное движение. События проходят, их оценка меняется с ходом времени, появляются новые факты и доказывается ложность уже известных. Жизнь играет с разумом и памятью человека, способного только составить собственную версию происходящего или принять чужую.

Образ обывателя Тони Узбстера искусно создан на основе важнейших постмодернистских постулатов, касающихся интерпретации исторического. Объектом повествования является не событие (смерть Адриана), но память о нем у очевидцев, сохраненная в письменных источниках. Память повествователя Тони переживает постоянное самопреобразование в ходе внутреннего расследования и в связи с открытием для себя новых фактов извне. Значение тех или иных действий в прошлом возникает в ходе собственного рассказа о произошедшем и получении новой интерпретации. Время жизни героя, которое ему как историку казалось упорядоченным, оказывается лишь абстрактной координатой восприятия, содержащей хаотичный бесформенный поток действительности, единственной точной характеристикой которого является идея смерти и завершенности. Когда он воссоздает действительность, она поддается сильному искажению под властью личного восприятия любви и смерти, отчасти заметному читателю. Создавая текст, Тони совершает попытку связать воедино все разрозненные фрагменты прошедшей жизни, чтобы выстроить объективную картину произошедшего, однако его попытка неизбежно остается на уровне субъективного рассказа и его достоверность относительна. Тем не менее, именно на базе рассказанно-

го Тони читатель ведет собственное параллельное расследование, создавая еще одну – собственную субъективную версию истории.

Дж. Барнс принципиально пытается вернуться к вечной теме борьбы Эроса и Танатоса, по-новому рассуждая о значимости роли любви и смерти в жизни конкретного человека. Писатель создает роман, говорящий о сути истории и исторического больше, чем теоретические размышления, так как это произведение представляет собой повествование, известный автор-постмодернист считает концептуальным.

Раздел 2.4. «Роль истории и исторического в творчестве Дж. Барнса» подводит итог рассуждениям о природе исторического в творчестве Дж. Барнса на примере концептуальной метаисторической трилогии.

Интерес к особенностям интерпретации исторического определяется как характерная черта творчества Дж. Барнса на протяжении всего творчества. Тема интерпретации истории в тех или иных произведениях британского постмодерниста в большинстве научных работ обозначена чаще всего как вопрос об истории как научном дискурсе и как хранилище коллективной и индивидуальной памяти. Мы подчеркиваем, что Дж. Барнс разоблачает такую историю, акцентируя внимание на историческом, что в его понимании является повествованием и рассказыванием, нарративом как об эпохальных событиях, так и о частной жизни человека.

Наблюдая динамику развития писательской манеры Дж. Барнса с конца 1980-х до начала 2010-х годов, мы приходим к выводу, что три крупных романа писателя «История мира в 10 с ½ главах», «Англия, Англия», «Предчувствие конца» объединяются в своеобразную трилогию. Ее можно обозначить на идейно-смысловом, мировоззренческом и проблемном уровнях. Промежуток между написанием каждого из произведений – около десяти лет (1989-1998-2011), что позволяет увидеть формирование авторского отношения к изображению исторического на протяжении большого временного периода. Все три романа призваны разрушить принцип «смерти автора». Трилогия воплощает философские концепции и идеологемы времени, это авторское понимание современного общества. Обычно трилогия объединена общим героем, но в трилогии Дж. Барнса мы наблюдаем основные типы порубежья, каждый из них реализует ту или иную философскую концепцию либо фобию, которой заражено британское общество конца XX – начала XXI веков. Становится ясным, почему Дж. Барнс уходит от схематических персонажей, выразителей той или иной идеологемы, и начинает искать героя своего времени, точнее, некоего безвременья, характерного для переходного периода.

В романах меняется жанровая позиция, постепенно переносится акцент с пастиша, с игры формами – на психологию человека. На первый план выходят взаимоотношения повествования о реальности и самой реальности, а также настоящего времени и прошлого, посредником между которыми выступает индивидуальная и коллективная память. Формально, по жанру, три романа не являются метаисторической трилогией, но по смыслу представляют собой понимание Дж. Барнсом цивилизации как рассказывания о ней с разных ракурсов: исторического в первом романе; представления о политике глобального мира во втором романе; роли отдельного человека в истории и нарративе об истории в третьем романе.

Постмодернистские техники, используемые Дж. Барнсом, являются иллюстрацией теоретических разработок таких философов, как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Р. Барт, Ф. Кермоуд и др. Однако писатель вырывает себя из узких рамок постмодернистской эпохи и, оставаясь приверженцем скептического постмодернистского мировоззрения, определяет свое место в контексте английской литературы, для которой всегда была характерна преемственность.

Историческое в романах заключается в обращении к субъективным рассказам, использованию недостоверных повествователей и к свободным интерпретациям, в отсутствии объективной истины, в прерывистости истории и осознании ложности структуры памяти и повествовательности исторической науки. При этом рассказывание историй существует в едином семантическом поле исторического как фрагменты калейдоскопа.

Борьба человека с диктатом истории в романах решается на нескольких уровнях. Авторские приоритеты расставлены в пользу субъективных историй в ситуации равноправия всех исторических версий (повествование личинки жука-древоточца кажется читателю правдивее текста Священного Писания, однако и оно недостоверно, повествования о жизни Марты Кокрейн и Тони Уэбстера говорят о проблемах изображенного времени больше, чем структурированное перечисление дат политических событий и имен лидеров государств). Взаимодействие достоверности и вымысла осмыслиется как метод познания подлинной реальности: по Дж. Барнсу, вымысел наравне с достоверностью становится средством достижения подлинности существования. Поэтому высокому искусству, любви и вере в Бога определена роль спасения души от власти истории и хаоса жизни. Борьба с диктатом истории происходит и через ироническое и пародийное изображение сути исторического процесса. Высмеивается вера в объективность исторических источников, цикличность истории

изображается как пародийные повторы сюжетов, позиционирование исторической науки как скопления дат и имен великих людей также поддается осмеянию во всех трех романах. Персонажи романов переосмысливают природу индивидуальной памяти и смысл жизни. Главное разочарование Марты Кокрейн – лживость первого воспоминания, ассоциирующаяся с потерей истока (разрушение семьи) и порождающая общее неверие. Судьба убеждает Тони Узбстера в том, что индивидуальная память старается защищать героя от неприятных воспоминаний о прошлом, однако жизнь совершает непредсказуемый ход и память оказывается повержена. Приостановить ход времени может искусство, но автор с иронией напоминает, что и оно материально, а значит, подвластно тлению. Повествователь «Интермедии» отмечает, что способность бросить вызов миру хаосу рождается только в любви, и с ее помощью в рамках жизни конкретного человека история будет побеждена. Объект любви становится центром жизни в чуждом децентрированном мире. Отчаявшиеся герои в состоянии кризиса совершают попытки побега от жизни или самоубийство, тем самым выражая протест против диктатуры истории. Безумная Кэт пыгается спастись на лодке от не случившейся ядерной катастрофы, Аманда Фергюссон уходит в горы, Марта Кокрейн всю жизнь убегает от самой себя, в конце романа сбега и буквально - доживает дни в статусе «старой девы» в деревушке. Адриан, Робсон кончают жизнь самоубийством, разрешая таким образом для себя самую большую философскую проблему человечества – право распоряжаться жизнью. Многих героев Дж. Барнса мучает экзистенциальная неуверенность, вопрос веры в бессмертие души и необходимость ее спасения).

Художественная задача Дж. Барнса определяется не как познание правды, а как поиск возможности жить при отсутствии объективной истины. Бросить вызов системе возможно, если не в плане реального – так в плане символического (по Ж. Бодрийяру), однако симулякры неизбежно вместе с историей ликвидируют и людей. Дж. Барнс большое внимание во всех романах уделяет проблеме симуляции, затрагивающей практически все области современного общества. Подмена реальности символическими образами, симулякрами проникла в мир настолько глубоко, что человек мечтает после смерти оказаться в гипермаркете, где сможет купить все, что захочет, без проблем встретится со знаменитостями и, наконец-то, достигнет совершенного успеха во всем, как герой последней главы «Истории мира в 10 с ½ главах». Однако понимая, насколько ценности буржуазного мира разъедают душу, Дж. Барнс,

смеясь над излишним доверием к религии, практически через десять лет в «Англии, Англии» уже показывает крайнюю необходимость думающей циничной героини верить во что-то, кроме самой себя, и нацию, заменившую собственную историю, да и страну, симулякром. В романе «Предчувствие конца» писатель показывает духовный мир молодежи шестидесятых годов, сбрасывающей бремя веры в любые идеалы, кроме придуманных ими же и приравнивающих свой скепсис к очищению.

Время формирует героя, поэтому Дж. Барнс уделяет большое внимание проблеме конформизма. «История мира в 10 с ½ главах» - это роман, созданный под влиянием культуры постмодернизма. В романе «Англия, Англия» читатель наблюдает абсурдное доведение до абсолюта идеи глобализма, что ведет к забвению истории и победе исторического. Рамки постмодернизма уже становятся узки автору, и он, сохраняя мировоззренческие основы, уходит к психологическому роману, в котором ищет ответ на вопрос: почему конформизм захлестнул современное ему общество? По Дж. Барнсу, опасность для общества состоит в первую очередь в отсутствии умения сострадать. Хотя Тони тоже претендует на читательское сострадание, но сам на него не способен.

Приблизить человека к истине, по Дж. Барнсу, может высокое искусство, вера и любовь. Если вера и искусство элитарны, то любовь возможна вне зависимости от особенностей характера и уровня интеллектуального развития. Появление откровенных рассуждений о сексе во многих произведениях Дж. Барнса - не только дань «массовости» бестселлеров, но и стремление поднять вопрос борьбы Эроса и Танатоса, невозможных без обозначения борьбы полового инстинкта и инстинкта смерти. Любовь не делает людей счастливыми, но раскрывает их способность к счастью в пожизненной борьбе с историей. Чтобы не потеряться в мире-хаосе и лжи истории, по Дж. Барнсу, нужно верить в любовь так, как в свободную волю и объективную истину, чтобы не превратиться в рабов истории и чужого мнения.

Дж. Барнсу удается воссоздать в своих произведениях эпоху главенства постмодернизма в мировоззренческом поле, сатирически изображая типичные образы, ситуации и детали времени, иронично отображая его во всей глубине противоречий. Если у родоначальника исторического романа описание общества «превращается в его историческое изучение», то у Дж. Барнса рассуждения о природе памяти, времени и истории приобретают антропологическую широту. Автор исследуемых романов создает картину бытия личности в Англии с 1980-х до 2010-х го-

дов и оказывается продолжателем традиций исторического романа, восходящего к творчеству В. Скота, и в то же время – хрестоматийным постмодернистским писателем, реализующим теоретические постулаты в произведениях на сюжетном и структурных уровнях.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Специфика интерпретации истории и исторического определяется как итог размышлений о работе индивидуальной и коллективной памяти, в пределах которых вниманию читателя предлагается рассмотреть противостояние вымысла и объективной правды, влияния на личность диктатуры рынка, власти метанарративов и симуляции. Дж. Барнс особо отмечает не только опасность доверия к объяснительным системам, подмены вечных ценностей временными, но и невозможность существования человека в обществе, больном аномией и конформизмом. И хотя писатель немало иронизирует по поводу религии, его можно назвать страдающим атеистом. В своих произведениях он обнажает переживания о смертности человека и идее спасения бессмертной души, поиске подлинности, вере в надмирную суть любви, отрицании всевластия бесконечного потребления, однако для него характерна тенденция отделять христианское мировоззрение от религиозности. По Дж. Барнсу, поиск подлинности лежит в самой природе человека, но только любовь и смерть можно считать отголосками всеобщей истины.

Историческое влияет на персонажей в аспектах повседневности, философском, психологическом, научном. Борьба с диктатом метанарративов решается на уровне осмысления природы памяти и смысла жизни, попытки побега от жизни и самоубийства, создании своей версии истории. На нарративном уровне особенности интерпретации исторического выражаются и через фактическую сторону повествования. События, действия и рефлексия по их поводу нацелены на рассуждение о природе исторического. Дж. Барнс трагедизирует историю, призывая к ее переосмыслению, но не бессмысленному нигилизму, приводящему к подмене отсутствующей веры в идеологию прогресса верой в пустые знаки, заменяющие многовековую историю на несколько ярких образов с короткими слоганами. Не предлагая готовых ответов и не заявляя авторитарно, что подлинна та или иная точка зрения, Дж. Барнс находит основополагающие жизненные понятия, способные победить власть истории, и обращает внимание на разницу исторического и истории.

Основные положения диссертации содержатся в следующих авторских публикациях:

1. Бахтина М. А. Роман Дж. Барнса «Предчувствие конца»: Эрос и Танатос против власти истории / М. А. Бахтина // «Филологос». - Выпуск 15 (4). – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. – С. 5-10.

2. Соколовская М. А. Травестирование истории в романе Дж. Барнса «История мира в 10 с ½ главах» (тезисы) / М. А. Соколовская // Тезисы докладов студенческой научной конференции по итогам работы за 2008 год. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С.228-230.

3. Соколовская М. А. История и миф в постмодернистском романе Дж. Барнса «История мира в 10 с ½ главах» / М. А. Соколовская // Литература в диалоге культур-7: материалы международной научной конференции. – Ростов н/Дону: НМЦ «Логос», 2009. – С.167-169.

4. Соколовская М. А. «История мира в 10 с ½ главах» Дж. Барнса / М. А. Соколовская // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Материалы Международной научной конференции «X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 12-14 мая 2009 г.). – М.: Изд-во ИКАР, 2009. – С. 349-354.

5. Соколовская М. А. Решение проблемы идентичности в постмодернистском романе Дж. Барнса «История мира в 10 с ½ главах» / М. А. Соколовская // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Материалы научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения» 18-19 мая 2010 года. – М. – Ярославль: Ремдер, 2010. – С.579-582.

6. Соколовская М. А. Субъективные истории в романе Барнса (тезисы) / М. А. Соколовская // XXII Пуришевские чтения: «История идей в жанровой истории» / Отв. Ред. Е. Н. Черноземова. МПГУ, 2010. – С. 34-35.

7. Соколовская М. А. Проблема идентичности в постмодернистском романе Дж. Барнса «История мира в 10 с ½ главах» / М. А. Соколовская // Известия Научно-координационного центра по профилю «филология» (ВОИПКиПРО). – Выпуск VIII. – Воронеж: ВОИПКиПРО, 2010. – С. 110-111.

8. Соколовская М. А. Роль искажения реальности в романе Дж. Барнса «История мира в 10 с ½ главах» / М. А. Соколовская // Вестник Научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века / [науч. ред. А.Б.Удодов].- Воронеж : ВГПУ, 2010. – Выпуск XIV. – С.92-100.

9. Соколовская М. А. Угроза или «новая дидактика»? (на материале романа Дж.Барнса «История мира в 10 с ½ главах») / М. А. Соколовская // Известия Научно-координационного центра по профилю «филология» (ВОИПКиПРО). – Выпуск IX. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. – С.72-74.

10. Соколовская М. А. Проблема повседневности в произведениях Дж. Барнса («История мира в 10 с ½ главах», «Краткая история парикмахерского дела») / М. А. Соколовская // Научно-философский анализ повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке : материалы Всерос. научн.-практ. Интернет-конф. / под общ. ред. Т.Г.Струковой. – Воронеж: ВГПУ, 2010. – С.137-141.

11. Соколовская М. А. «Краткая история парикмахерского дела» Дж. Барнса как пример постмодернистского изображения истории / М. А. Соколовская // Литература в диалоге культур-8: материалы международной научной конференции. – Ростов н/Дону: Foundation, 2010. – С.146-147.

12. Соколовская М. А. «Роль человека в создании истории Дж. Барнсом (на примере рассказа «Краткая история парикмахерского дела»)» / М. А. Соколовская // «Найновите постижения на европейската наука». – респ. Болгария, г. София: «Бял ГРАД-БГ» 2011, - С.3-5.

13. Соколовская М. А. Роль любви в повседневности человека в «Интермеди» Дж. Барнса (роман «История мира в 10 с ½ главах») / Соколовская М. А. // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке : материалы Всерос. научн.-практ. Интернет-конф. / под общ. ред. Т.Г.Струковой. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – С.84-87.

14. Бахтина М. А. Повседневность как среда обитания в произведениях Дж. Барнса / М. А. Бахтина // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке : материалы Всерос. научн.-практ. Интернет-конф. / под общ. ред. Т.Г.Струковой. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – С.89-95.

Публикация под номером 1 осуществлена в издании, рекомендованном ВАК РФ.

10 =

Подписано в печать 25.09.2013. Заказ № 178
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2.